

Рассказы о Дамиане, постом заслужившем дар исцелять больных, и о Иеремии, «иже помняше крещенье земле Русьския», который умел предсказывать людям «добро ли зло», выдержаны в обычной агиографической схеме, хотя и лишены украшающей эту схему пышной фразеологии. Иеремия, судя по рассказу, был наблюдателен и умел разглядеть настроение тех черноризцев, которые впадали в сомнение («аще кого видяше в помыслени») и задумывали покинуть монастырь. «Агиографический» эта наблюдательность приписывается свыше данному дару пророчества, однако, сняв религиозную оболочку, мы увидим за этим рассказом не только зоркую наблюдательность «провидца» Иеремии, но и то, как трудно на первых порах складывался устойчивый монастырский быт; узнаем, что и «первые черноризцы» не всегда легко порывали с «миром» и возвращались иногда в «суету мирскую», а стойкие иноки боролись с этими настроениями (стр. 70—71).

В рассказе о Матвее «прозорливом» та же тема борьбы примерных иноков с колеблющимися разработана с элементами фантастики. Прозаическая ситуация — невыспавшийся монах не выдерживает утомительной ранней «утрени» и уходит домой досыпать, а иногда и вовсе сбегает из монастыря — благодаря фантастике приобретает сказочную поэтичность. Во время службы по церкви ходит бес в образе «ляха» и разбрасывает цветы — «лепки». К тем инокам, которые невнимательно слушали службу, цветок прилепился, тогда монахи уходили домой спать; к стоявшим «крепко» цветок не приставал.

Четвертый рассказ, из Печерской летописи перенесенный в Повесть временных лет и позднее в Киево-Печерский патерик, передает историю богатого купца Исакия, «родом Торопчанина». Этот рассказ интересен своеобразной обработкой отдельных эпизодов переводных патериков, приспособившей их к типичным приемам повествования о «первых черноризцах печерских» (см. стр. 64—65).

Этими четырьмя рассказами исчерпывается та группа повествований о «мужах чудных» Киево-Печерского монастыря, которая первоначально входила в состав Печерской летописи, затем Повести временных лет и, наконец, была включена в Киево-Печерский патерик. Уже в этих рассказах сложились характерные и для остальных «слов о первых черноризцах печерских» черты повествования. Агиографическая канва старших сказаний еще не расцвечена торжественной риторикой восхваления, зато в изображении черноризцев, в описании их чудес и «бесовских действий» уже вполне ясно выступает «прелесть простоты и вымысла», пленившая Пушкина. Фантастика приобрела налет сказочности, свойственной народным рассказам о чертях и леших, и в ее наивном простодушии исчезли те мрачные краски, какими рисуются «демоны» в легендах переводных патериков.

Все остальные рассказы о «первых черноризцах печерских» сохранились уже в переработке начала XIII в., в составе двух посланий, объединенных одним общим замыслом: доказать особую «святость» Киево-Печерского монастыря, прославившегося с самого своего основания подвижничеством первых его черноризцев. Именно эта задача побудила обоих авторов усилить «агиографичность» изложения, окружив рассказы, несомненно опирающиеся на давние устные предания, религиозно-дидактическими рассуждениями, обильной цитацией «писания». Но, сняв эти украшения, мы без труда выделим во многих рассказах ту основу, в которой житийная схема в сущности выдерживается лишь в начальных фразах, дающих обычную для агиографического стиля общую характеристику подвижничества святого, и в заключении, описывающем «праведную» смерть и погребение его. Весь интерес рассказчика сосредоточен на одном